

ТА РОДИНА,

на которой выросли Богдановские

«Это — сочетание большого артистического дарования с практической дельца. Некогда бедняк, Нил Иванович сделался домовладельцем в Новгороде, выстроил театр, был банковским деятелем, корреспондировал в «Голос» и «Новости» (столичные газеты — В. Г.), сам издавал «Старо-Русский листок» и «Волховский листок», имел свою типографию и книжную лавку, в которой, впрочем, продавались не только книги, но, кажется, даже и разные предметы хозяйственного обихода. Среднего роста, плотный, с отпечатком ума и хитривой в лице, олицетворение здоровья и энергии, он производил на всех внушительное впечатление»...

Так сто лет назад в журнале «Исторический вестник» писатель Круглов характеризовал Нила Ивановича Богдановского, который был достаточно широко известен в России своей театральной деятельностью (сценическая фамилия — Мерянский). С такой же теплотой отзывались о нем другие литераторы, единодушно отмечая смелость, горячность и даже ядовитость в его корреспонденциях.

Родился Богдановский-Мерянский в 1846 году в Смоленске. Учился в Симбирской гимназии, откуда был исключен из шестого класса с «волчьим билетом» за издание гимназического журнала, выступившего против телесных наказаний и учительского произвола; не помогло и заступничество «всесильного папаши», занимавшего видное служебное положение. Статьи, вскоре последний потерял свое доходное место, поскольку жил не по средствам, «выше доходов». После этого Богдановский «скитался по разным городам и всяким государствам Российского от Смоленска до Орла, Тулы, Москвы, Петербурга, Гатчины, Царского Села, Муромы, Арзамаса, Симбирска, Сызрани, Вятки, Одессы, Костромы, Старой Руссы», — так он писал в своей книге «Сцена — мой крест», уже связав свою судьбу с Великим Новгородом.

Здесь первые же его шаги были встречены похвалой. «Труппа г. Мерянского позаботилась об улучшении нашего театра и заставила новгородскую публику смотреть на сцену иначе, чем во времена, недавно минувшие. Зон был пиэс за минувший сезон был весьма удачным», — так оценила его работу газета «Новгородский листок» в августе 1882 года. А в июле 1886 года состоялось открытие выстроенного Богдановским деревянного театра (сгорел в 1918 году). Но потом из-за каких-то раздоров с жестким начальством он уехал в Москву и поступил актером в широко известный в ту пору театр Корша. Здесь пользовался большим успехом, но все же решил вернуться в тысячелетний город и на рубеже столетий почти отошел от сценической деятельности. Зато вплотную занялся издательскими и литературно-корреспондентскими трудами. Издал книжки для туристов «Господин Великий Новгород» и «Карманный путеводитель Старо-Русских минеральных вод», а также брошюры «Сцена — мой крест», «Нилова пустынь», «Облава на Авау». В последнем «старец Нил» (псевдоним Богдановского) обивая некоторых новгородских церковнослужителей и монахов в корыстолюбии и безразличии. Разумеется, раздражением цензора весь тираж книги был сожжен.

Не остался незамеченным труд артиста на ниве милосердия. Так, «Новгородские ведомости» еще в 1881 году писали: «Председатель попечительного о бедных общества считает приятным делом довести до всеобщего сведения, что 3-го января текущего года в зале Городской Думы Алексеем Ивановичем Асмусом и Нилом Ивановичем Богдановским был устроен концерт в пользу беднейших жителей города Новгорода. Сбор был 146 руб. 60 коп. Расходы по устройству концерта гг. Асмус и Богдановский приняли на свой счет».

Многие поступки «старца Нила» были непредсказуемы. Уже на склоне лет, в 1913 году, у него случился инсульт, он во время велосипедного пробега Москва — Петербург примкнул к гонщикам и сопровождал их до невольской столицы. Спортсмены называли его потом поклядистым, веселым и добрым товарищем.

Однако ж, несмотря на свою поклядистость, Богдановский не принял октябрьский переворот. Словно предвидя его, «старец Нил» уже в апреле 1917 года прекратил выпуск своей газеты. Первенец большевистской печати в губернии — журнал «Красный смех» — комментировал это событие злым саркастическим объяснением: «Последняя непродолжительная, но тяжелой болезни, тихо скончался «Волховский листок»... Погребение еще не состоя-

лось. Труп смердит. Панихиды ежедневно».

Наверное, стоит пожалеть, что не сбылась мечта Богдановского, высказанная им в двухтысячном номере «Листка» 30 ноября 1910 года: «Среди новгородцев имею счастье жить 36 лет и моллю Господу истлеть в недрах этой святой земли, обгащенной славной кровью доблестных героев неустанного труда, чести, братства и душевной мощи и борьбы против тьмы, насилия и рабства».

Вскоре после революции Богдановский эмигрировал в Эстонию и в Таллинне еще с успехом выступал в русском театре. В Новгороде ходил слух, что он был похоронен, согласно завещанию, по старому новгородскому обычаю: некрашенный гроб из неотесанных досок несли на кладбище нищие. Похоронил прах «старца Нила» на Александровском кладбище (теперь «Сизелинна»). На небольшой надгробной доске надпись по-эстонски: «Артист — дед — Нил Мерянский. 4.2.1846 — 7.4.1936».

Все семейное окружение Богдановского было тесно связано с театральной жизнью. Его жена Елизавета Богдановская была драматической артисткой (умерла в 1905 году). Дочь Надежда Нилова вышла замуж за широко известного театральной России Владимира Кригера и сама играла роли в крупных театрах Москвы и Ленинграда. Кроме того, она увлеклась искусством художественного чтения и в годы войны выступала с концертами чуть ли не на переднем крае. Была она также автором многих пьес как для детей, так и для взрослых: «Чудесный талисман», «Мороз, красный нос», «Волшебный клад», «Ночь волшебных свиданий», «Бой за идеалы», «Квартира в стиле модерна» и др.

Сестра Надежды — Мария Мерянская пятьдесят лет неутомимо трудилась на сцене Русского драматического театра в городе Кохтла-Ярве. Уже в преклонные годы руководила кружками художественной самодеятельности. Из ее личного архива поступило в Новгородский музей-заповедник несколько драгоценных зарубежных снимков издателя «Волховского листка».

Нельзя, наконец, не вспомнить, что внучкой Нила Богдановского была Викторина Кригер — знаменитая балерина, имя которой прочно вошло в историю отечественного искусства. Актриса Большого театра, она выступала в ведущих партиях балетов «Лебединое озеро», «Конек-горбунок», «Дон-Кихот», «Коппелия», «Красный мак», «Бахчисарайский фонтан». Ее искусство отличалось реалистической трактовкой образов, темпераментностью, яркой жизнеутверждающей силой. В 20-е годы Кригер выезжала на гастроли за рубеж как «первая представительница молодого советского балета», хотя критики и упрекали ее в том, что ей еще не удалось (по ее же словам) «найти и показать новый танец, не разнеженный парниковой культурой, а рожденный великой эпохой, в дни которой он выковался». Однако газеты Нью-Йорка, Оттавы, Берлина, Праги, Софии, Бухареста, Стокгольма единодушно называли ее крупнейшей танцовщицей мира, а в 1946 году Викторине Кригер была присуждена Государственная премия.

Судьба знаменитой балерины была тесно связана с Новгородом, и лучше всего сказала об этом она сама: «Каждое лето на каникулы я уезжала к себе на родину в Великий Новгород. Пишу — «родина», так как действительно этот город с самых ранних лет был чем-то для меня неотъемлемым, чем-то кровно близким моему существу. Пословица говорит: «Не та мать, которая родила, а которая воспитала», а я скажу: «Не та родина, на которой родилась, а на которой выросла». Появившись на свет в Петербурге, я сразу же поехала по другим городам, но ежегодно с самого дня рождения я проводила лето на Волхове».

Город воли дикой, город буйных сил...

Нет, надо его знать так, как я знаю, чтобы так любить и чувствовать каждый памятник старинный, каждый камень, заложный в его мощном детинце-кремле. Окутанный преданиями, вечными легендами о былой «вольнице», о «вечевом колоколе», он для меня являлся чем-то фантастическим, какой-то воплощенной сказкой...

Приезжая каждое лето на каникулы... я гуляла по хлебобродным полям, загорала, раскинувшись на старинном валу, окружавшем город, совершала далекие прогулки в могучие новгородские леса. Никакие «юги» впоследствии не приносили мне столько здоровья, сколько простор и вольность моей милой родины».

Чуть дальше балерина вспомнила, что очень любила новгородские ярмарки.

«Шумная толпа, разноцветные карусели, кричащие, зазывающие продавцы — меня страшно все это уезкало, и я с наслаждением язлялась туда каждый день в сопровождении отца, моего постоянного спутника и друга. А однажды, на праздничном гулянии, я была подхвачена такой волной окружающего веселья и звуков «камаринской», что мой отец даже не успел оглянуться, как я со словами «Не могу, не могу удержаться» пустилась в пляс, мелькая среди разноцветных платков окружающей меня толпы» (Викторина Кригер. Мои записки. М.-Л. 1930 г.).

Стоит добавить, что и на сцене Викторина впервые выступила в Новгороде, а в последний раз посетила город своего детства в 1963 году — с рассказами об истории балета она выступала перед рабочими и служащими промышленных предприятий. И еще: получившие широкое распространение составительные вопросы «викторины» впервые появились на страницах «Огонька» в 30-е годы и названы именем знаменитой балерины.

Обращаясь к «Волховскому листку», издававшемуся Богдановским, следует, наверное, сказать, что дореволюционный Новгород отнюдь не был таким уж глухим провинциальным городом, каким его принято считать. По числу выпускавшихся здесь газет и журналов он входил в первый десяток российских губерний. «Новгородские губернские ведомости», «Новгородские епархиальные ведомости», «Новгородский листок», «Вестник новгородского земства», «Новгородское студенчество», «Новгородский листок объявлений», «Ильмень», «Новгородская неделя», «Страж», «Гусельки яровчатые», даже «Криминалист» — это еще не полный перечень тех газет и журналов, которые издавались в самом городе на Волхове, а ведь были еще газеты в Боровичах, в Старой Руссе.

Первый номер «Волховского листка» вышел в свет в среду, 1 января 1903 года (ст. стиль) и 14 лет издавался по средам, пятницам и воскресеньям. Продажа «Листка» производилась в Петербурге, Любани, Старой Руссе, Малой Вишере, Окуловке, Чудове, Боровичах — таким образом он был и губернской газетой. К тому же в нем часто публиковались и материалы, почерпнутые из жизни уездов обширной в ту пору Новгородчины.

В новогоднем номере 1910 года «старец Нил», как бы подводя итоги, с удовлетворением писал: «Удовлетворены наши глаза, как в калейдоскопе, проходят картины борьбы, унижения, радости, людских сплетен, житейских язв, стремления к добру, развенчивания сказочных героев и т. п., нашедших отражение на страницах «Волховского листка»... Мы старались воздавать каждому по заслугам... Чувство нравственной справедливости всегда было нашим спутником. Мы выступаем в Новый год с девизом беспартийности, объективизма, правда и нелицеприятие...».

В газете не было критики самодержавного строя, и она не воздерживалась от восхваления «венценосного монарха» и его августейшей супруги, — в отличие даже от умеренно-либеральных изданий. Однако же нельзя сказать, что ее не волновало бедственное состояние значительной части низших слоев населения губернии. В Новгороде «подмастерья работают в ремесленных заведениях без всяких ограничений времени, работают до упадка сил, до изнеможения... Бедная беспомощная молодежь!». Можно привести множество примеров подобных высказываний. Как и таких, в которых констатируется расцвет пьянства, воровства и «прочих прелестей» в уездах. Но, по мнению издателя, все эти бедствия уйдут в прошлое, а классовые противоречия будут разрешены при условии единения богатых и бедных на почве христианского учения.

В «Листке» можно почерпнуть множество фактической сведений о хозяйственной культурной жизни губернии в начале XX-го столетия, о народном образовании и просвещении, деятельности судебных, правых органов, медицинских учреждений и т. п. В многочисленных статьях краеведческого характера нет отсутствия внимательного наблюдения за состоянием гибнувших памятников истории и культуры. Ну и, конечно, небезинтересны материалы о театральных постановках и гастрольных известиях столичных артистов, тем более, что рецензии эти писались обычно самим Мерянским.

Владимир ГОРМИН.

Новгород.